

«...»

Вот же сука!

Шэнь Вэй так разозлился, что тихо выругался под нос. И дёрнул же его чёрт сунуть нос куда не просят, теперь сам же и бесится. Этот Канкан даже через экран ухитрялся источать какую-то вызывающую, наглую спесь, так и напрашиваясь на хорошую затрещину. Мать его, надо будет как-нибудь попроситься с Се Хэндуном на встречу и лично взглянуть на этого кадра.

Шэнь Вэй выключил телефон и заставил себя закрыть глаза.

«Тоже мне, Канкан. Даже имя придурочное».

На следующее утро он без утайки выложил Се Хэндуна всю историю с Канканом. Но тот лишь легкомысленно отмахнулся:

— Можешь отвечать ему за меня, если хочешь. Вы оба мои лучшие друзья, он не станет обижаться по таким пустякам.

Шэнь Вэй мысленно огрызнулся:

«Да на кой чёрт мне сдалось быть твоим просто другом!»

Началась учёба в старшей школе. На лицах первокурсников читалось робкое, но радостное ожидание — в этих стенах им предстояло пахать долгие три года. Нещадное солнце упрямо ломилось в окна, раскаляя парты добела; ребята плотно задёрнули шторы, и в полумраке класса лишь лениво поскрипывал под потолком старенький вентилятор.

С приходом сумерек за окнами заводили свою бесконечную песню цикады. Их стрёкот лился в класс вместе с мягким лунным светом, сливаясь с тихим шелестом переворачиваемых страниц.

Каждый этот звук был свидетельством их общей юности, времени, когда они не жалели сил ради будущего.

За время военных сборов успели выбрать и актив класса. Шэнь Вэй, как и ожидал, снова занял пост старосты. Но на этом его общественная нагрузка не закончилась: по какому-то нелепому недоразумению его сочли достойным звания спортивного организатора этой большой школьной семьи.

Сам Шэнь Вэй терпеть не мог лишних хлопот, а в спорте понимал не больше, чем в балете, да и страстью к нему никогда не отличался.

Се Хэндуна же выбрали культоргом. Теперь ему предстояло подготовить творческий номер для торжественного собрания в честь начала учебного года.

Он только перевёлся, никого толком не знал и понятия не имел, где искать напарников, как выбивать костюмы или договариваться об аренде инструментов. Вообще-то Хэндун виртуозно играл на фортепиано, но за неимением лучшего решил просто спеть под гитару.

Шэнь Вэй удивлённо уставился на соседа по парте:

— Ты ещё и поёшь?

Се Хэндун скромно улыбнулся:

— Петь-то каждый умеет. Тут ничего сложного.

— Ну, я, например, не умею, — вздохнул Шэнь Вэй. — Мне медведь на ухо наступил. И что за песню ты выбрал?

— «Самая яркая звезда на ночном небе».

— «Самая...» — Шэнь Вэй осёкся и нахмурился.

Что-то в этом названии смутно напоминало дурацкий статус того придурка из чата.

Тьфу, пропасть!

Сравнивать Хэндуна с тем недоумком было чистой воды кошунством.

Шэнь Вэй задумчиво потёр подбородок и пришёл к невольному выводу: рыбак рыбака видит издалека.

— «Самая яркая звезда на ночном небе, слышишь ли ты... одиночество и вздохи в глубине души того, кто смотрит на тебя снизу вверх...»

Сцена была залита мягким светом. Се Хэндун сидел в самом центре, бережно прижимая к себе гитару. Его голос, чистый, глубокий и удивительно певучий, обволакивал зал нежной, светлой грустью.

В этой песне звучало всё: и робкая надежда на тепло, и отчаянный поиск своей мечты.

Шэнь Вэй, сидевший в первых рядах, затаил дыхание. Он смотрел на парня на сцене и не мог отвести глаз. В этот миг Се Хэндун казался ему невероятно далёким и ослепительно ярким, словно луч света, пробившийся в самую глубину его собственного сердца.

Это было странное, незнакомое доселе чувство. Чистое. Настоящее. Первая любовь.

Шэнь Вэй внезапно понял, что хочет провести эти три года рядом с ним. Прожить с ним эту юность, искренне и преданно.

Ему бы сейчас предаться сладким грёзам, обдумать, как подступиться, как написать признание... но тут рядом нарисовалась довольная физиономия Жуй Цяна. Тот бесцеремонно пихнул его локтем в бок и хмыкнул:

— Ты глянь на него! Шэнь Вэй, очнись, наш Хэндун у тебя, кажись, всю душу вынул.

— Отвали, — буркнул Шэнь Вэй, пытаясь отодвинуться, чтобы этот олух не загораживал обзор.

— Слушай, Пёс Шэнь, раз уж ты у нас такой пылкий, шёл бы на сцену да станцевал под его дудочку. А то Хэндун там совсем один, тоскует, небось.

— Исчезни!

Стоило Се Хэндуну спуститься со сцены, как вся раздражительность Шэнь Вэя мгновенно испарилась. Он мягко улыбнулся, обнажив глубокие ямочки на щеках.

— Это было потрясающе. Очень красиво пел.

Хэндун весело приподнял бровь:

— Ну, неплохо вышло.

Позже он поделился, что с самого детства бредил музыкой. Пусть его семья никогда не жила в достатке, мать из последних сил выкраивала деньги на уроки фортепиано и сольфеджио. В эту школу он пришёл с одной конкретной целью — подготовиться и поступить в Центральную консерваторию музыки.

Су Шикан, конечно, обо всём этом знал.

Со временем забота и внимание Шэнь Вэя стали слишком очевидными, чтобы их не заметить, и Се Хэндун, конечно, почувствовал это особое отношение. Но говорить ничего не стал. Ему удавалось создать вокруг него удивительно уютную атмосферу — он был надёжным, отзывчивым, умел выслушать и поддержать. Однако это чувство сильно отличалось от того, что Хэндун испытывал к Су Шикану. Канкан для него всегда оставался младшим братом, которого нужно опекать, в то время как заботу Шэнь Вэя он принимал как нечто само собой разумеющееся, какими бы мотивами та ни была вызвана.

Тогда он ещё не понимал, что за этой заботой стоит импульсивная, не знающая преград юношеская влюблённость.

Летний зной незаметно уступил место золотой прохладе осени. На октябрьских праздниках Се Хэндун съездил провести семью Су Шикана. С бабушкой Су всё было хорошо, а вот сам Канкан, похоже, опять вляпался в неприятности.

Хэндун несколько дней подряд приходил к ним домой, но друга так и не застал. Бабушка Су, сокрушённо вздыхая, сжимала его ладони и жаловалась на непутёвого внука, который никак не возьмётся за ум и заставляет её сердце разрываться от тревоги.

На сообщения Су Шикан не отвечал неделями. Лишь изредка от него приходили сухие отписки вроде «угу» или «ясно».

Уже вернувшись в школу, Хэндун случайно узнал от бывших одноклассников, что Су Шикан снова ввязался в драку. На этот раз дело приняло скверный оборот: пролилась кровь, приехала полиция, и парня забрали в участок.

Слухи ходили мрачные — его собирались отчислить.

Хотя они с Су Шиканом дружили много лет, Хэндун часто не мог понять ход его мыслей. Канкан души не чаял в бабушке, они вдвоём тянули лямку жизни последние пятнадцать лет, поддерживая друг друга как могли. К тому же у Шикана были блестящие способности к учёбе. Стоило ему приложить хоть каплю усилий, и перед ним открылись бы любые двери, а их жизнь наконец наладилась бы.

Даже то, что отец Шикана завёл новую семью и фактически вычеркнул сына из жизни, не казалось Хэндуну достаточным оправданием для того, чтобы сознательно пускать свою жизнь под откос.

Ещё в средней школе Канкан прослыл отъявленным хулиганом: вечные драки, прогулы, разборки. Учителя то и дело вызывали Хэндуна к директору, настоятельно требуя прекратить общение с этим неблагополучным подростком. Но Хэндун не слушал их. Он твёрдо знал: Су Шикан внутри совсем другой, он не злой.

Когда в выпускном классе Шикан совершил невозможное и за пару месяцев подготовился так,

что сдал экзамены в престижную Среднюю школу №1, Хэндун облегчённо вздохнул, решив, что друг наконец взялся за ум. И вот — опять двадцать пять.

Се Хэндун сидел на уроках сам не свой, не в силах сосредоточиться на словах учителей.

Стоило ему вернуться в общежитие, как он первым делом просил телефон у Шэнь Вэй, боясь пропустить хоть какую-то весточку от друга. Тот хоть и находил его поведение странным, но вопросов не задавал и послушно отдавал мобильник.

В субботу Се Хэндун сидел на кровати в комнате общежития, хмуро уставившись на экран телефона. Чат с Су Шиканом пестрел его безответными сообщениями:

«Как ты там?»

«Ответь мне хоть что-нибудь.»

«До меня дошли слухи, что ты опять подрался. Когда ты уже утомонишься? Ты о бабушке подумал? Неужели обязательно доводить всё до ручки?»

«...»

«Ты хоть представляешь, как я за тебя переживаю?»

Глядя на пустой экран, Хэндун чувствовал, как внутри закипает глухая ярость.

«Чёрт бы тебя побрал! Попадись ты мне только в руки — я тебя так отделаю, что три дня с кровати встать не сможешь!»

Дверь со скрипом отворилась. Вошёл Шэнь Вэй. На нём была свободная спортивная толстовка с капюшоном вместо школьной формы — по выходным строгие правила немного ослабевали. Он бережно поставил на стол исходящую паром чашку с вонтонами.

— Ты за весь день крошки во рту не держал. Что вообще происходит? На тебе лица нет в последнее время.

Остальные ребята во главе с Жуй Цяном ушли на площадку гонять мяч, так что в комнате они остались вдвоём.

— Кстати, о странностях, — добавил Шэнь Вэй, присаживаясь на край своей кровати. — Чжан

Юй тоже в последнее время сам не свой. Говорят, документы забирает, переводиться куда-то собрался на днях.

— А... да? — рассеянно отозвался Хэндун.

Голова его была забита мыслями о Шикане, а с Чжан Юем они почти не общались, так что новость в одно ухо вылетела, а в другое влетела.

Шэнь Вэй бросил взгляд на экран телефона в руках друга, где светилась длинная вереница синих исходящих сообщений.

— У твоего друга проблемы?

— А? — Хэндун встрепенулся и неловко заблокировал экран. — Да... вроде того. Я рассказывал тебе про своего школьного приятеля.

Шэнь Вэй промолчал, но про себя отметил:

«Значит, этот самый Канкан...»

Он уже хотел было спросить что-то ещё, как вдруг телефон в руках Хэндуна завибрировал. Собеседник на том конце провода словно почувствовал, как сильно его ждут, и вместо текстового ответа прислал входящий аудиовывод.

От неожиданности Хэндун буквально подскочил на кровати. Он вмиг преобразился, и в его взгляде смешались ярость, облегчение и жгучее беспокойство.

— Я... отвечу, — хрипло выговорил он, стараясь унять дрожь в руках.

В следующую секунду Шэнь Вэй стал свидетелем невероятного зрелища. Спокойный, мягкий и всегда безупречно вежливый Се Хэндун, сорвав трубку, внезапно разразился такой отборной руганью, что у Шэнь Вэя уши чуть не свернулись в трубочку.

— Твою мать, Су Шикан, ты совсем охренел?! Что это за фокусы?!

— Если у тебя проблемы, ты мне сказать не мог? Какого хера ты пропал на целый месяц? Ты хоть понимаешь, как я тут с ума сходил от беспокойства?!

—...

Шэнь Вэй замер, во все глаза глядя на соседа. Чтобы вывести Се Хэндуна на такие эмоции...

этот человек должен был значить для него невероятно много.

Он сидел молча. Он уже перестал вслушиваться в гневную тираду друга, лишь под конец уловив, как тон Хэндуна заметно смягчился.

— И что ты теперь собираешься делать? — тихо спросил тот.

После этого Хэндун почти не говорил — только молча слушал собеседника минут десять, изредка кивая. Под конец он негромко произнёс:

— Хорошо. Как только всё решится окончательно, дай мне знать.

Положив трубку, Се Хэндун шумно, с облегчением выдохнул.

— Мой друг... кажется, он переводится в нашу школу.

— Что?.. — Шэнь Вэй опешил.

Он всё ещё переваривал эту вспышку эмоций своего соседа, а Хэндун уже снова мягко и тепло улыбнулся, как обычно:

— Наверное, где-то в середине следующего месяца.

— Понятно...

В груди у Шэнь Вэя шевельнулось неприятное, липкое чувство. Видеть, как сильно Хэндун дорожит кем-то другим, было невыносимо. Сам будучи парнем нетрадиционной ориентации, он подсознательно ревновал соседа к любому, кто приближался слишком близко.

«Чёрт! Нужно действовать. Я должен завоевать Хэндуна до того, как этот придурок заявится сюда!»

Заметив, что староста помрачнел и ушёл в себя, Хэндун решил его приободрить:

— Да ты не переживай. Канкан на самом деле отличный парень. Если его не трогать, он мухи не обидит!

«Если его не трогать, он мухи не обидит...»

«А если тронуть?»

«Что тогда будет?»

Разбираться в этом у Шэнь Вэй не было ни времени, ни желания. На нём и так висели обязанности старосты класса и этажа. Он молча пододвинул тарелку с вонтонами поближе к другу:

— Ешь давай, остынет.

Хэндун наконец взял ложку и поднял на него глаза:

— А ты сам почему не ешь?

Шэнь Вэй поморщился, чувствуя, как наваливается усталость:

— Пойду разберусь с делами Чжан Юя. Ему нужно подготовить документы для перевода.

— Хм, а куда он переводится?

— Понятия не имею.

В последнее время навалилось слишком много хлопот.

С того дня Шэнь Вэй окончательно потерял покой. Он всё чаще застывал у окна, подолгу всматриваясь в школьный двор. Наконец, улучив свободный вечер, он достал пачку синей поздравительной бумаги, которую когда-то шутики ради купил в дешёвой лавке, и принялся усердно выводить неровные строчки:

«Дорогой Хэндун, с тех пор как я впервые увидел тебя, моё сердце словно облили кипящим маслом. Оно бьётся так отчаянно и горячо, а кровь в жилах закипает от каждой твоей улыбки...»

Писать красиво он не умел, да и почерк у него был далёк от каллиграфического — буквы выходили угловатыми и неуклюжими.

Шэнь Вэй перечитал написанное, поморщился от неловкости и, скомкав ярко-голубой листок, швырнул его в мусорное ведро за спиной.

Немного подумав, он взял новый лист и вывел:

«Хэндун, я чувствую к тебе то, чего никогда не чувствовал к другим. Наверное, я гей. Если ты не против, я бы хотел признаться тебе в любви этой запиской. Но даже если ты не сможешь ответить взаимностью, считай это официальным уведомлением: я собираюсь тебя добиваться».

«...»

Он перечитал текст несколько раз и остался вполне доволен этой краткой и решительной версией.

В тот день в обеденный перерыв Шэнь Вэй дежурил по этажу, поэтому пришёл в класс раньше обычного. Ему нужно было проверить порядок в кабинетах и заполнить журнал дежурства. Сверившись со списком, он убедился, что коридор пуст, зашёл в класс и незаметно скользнул к парте Се Хэндуна. Записка, бережно сложенная вчетверо, скользнула между страниц учебника по математике.

Завершив обход коридоров, он направился в мужской туалет в конце коридора.

В этот час в крыле царила тишина, но, ещё не дойдя до двери, он уловил негромкий мужской голос и резкий запах табачного дыма, который всегда терпеть не мог.

Шэнь Вэй нахмурился и уверенным шагом вошёл внутрь.

У окна спиной к нему стоял парень примерно его возраста. В одной руке он держал тлеющую сигарету, а другой прижимал к уху мобильник. Тон его разговора явно не предвещал ничего хорошего.

Вот ведь зараза.

Ученик Средней школы №2? И курит прямо в здании?

— Я понял. Не беспокойтесь, я вас не подведу.

Слова звучали вежливо, даже уважительно, но в самом голосе сквозила ледяная сталь.

Незнакомец не оборачивался. С этого ракурса Шэнь Вэй мог рассмотреть лишь чётко очерченный профиль и тонкую, светлую кожу. В правом ухе парня поблёскивала аккуратная серьга-гвоздик. Школьной формы на нём не было — обычная повседневная одежда, выдававшая в нём типичного уличного хулигана.

Шэнь Вэй прищурился, оценивающе разглядывая нарушителя порядка, а затем неприязненно спросил:

— Эй, приятель. Ты из какого класса?

<http://bllate.org/book/18308/1758193>